

Никитенко Александр Васильевич

Записки и дневник

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич Н.**
Записки и дневник: Том 1 / Никитенко Александр Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 602 с.

ISBN 978-5-519-99617-4

ISBN 978-5-519-99617-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОЯ ПОВѢСТЬ

О САМОМЪ СЕБѢ И О ТОМЪ

«ЧЕМУ СВИДѢТЕЛЬ ВЪ ЖИЗНИ БЫЛЪ»

«Описывай, не мудрствуя лукаво».
А. Пушкинъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

	Стр.
Предисловіе	VII

Моя повѣсть о самомъ себѣ.

I. Гдѣ и отъ кого произошелъ я на свѣтъ	1
II. Мой отецъ и моя мать	3
III. Первые покушенія моего отца водворить правду тамъ, гдѣ ее не хотятъ, и что изъ этого вышло	13
IV. Первые годы моего дѣтства	17
V. Ссылка	23
VI. Опять на родинѣ	29
VII. По возвращеніи изъ Петербурга отца	35
VIII. Новое мѣсто, новыя лица	42
IX. Наше житіе-бытіе въ Нисаревкѣ	50
X. Школа	61
XI. Новые удары судьбы	75
XII. Мое воронежское сидѣніе	85
XIII. Острогожскъ.—Начало моей гражданской и самостоятельной дѣятельности	87
XIV. Мои острогожскіе друзья и занятія	97
XV. Мои военные друзья.—Генералъ Юзефовичъ.—Смерть отца . .	110
XVI. Въ Ельцѣ.—Чугуевъ	126
XVII. Опять въ Острогожскѣ	140
XVIII. Заря лучшаго	151
XIX. Въ Петербургѣ.—Борьба за свободу	160

Дневникъ.

1826—1855.

	Стр.
Вступленіе	177
1826 годъ	179
1827 „	218
1828 „	245
1829 „	266
1830 „	269
1831 „	278
1832 „	295
1833 „	306
1834 „	314
1835 „	345
1836 „	363
1837 „	378
1838 „	389
1839 „	392
1840 „	403
1841 „	411
1842 „	424
1843 „	440
1844 „	460
1845 „	469
1846 „	478
1847 „	480
1848 „	491
1849 „	502
1850 „	516
1852 „	522
1853 „	539
1854 „	562
1855 „	583

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ. Подъ этимъ заглавіемъ авторъ предлагаемыхъ „Записокъ“ въ 1851 году впервые приступилъ къ литературной обработкѣ своихъ воспоминаній, не переставая тѣмъ временемъ почти ежедневно заносить въ „Дневникъ“ выдающіяся по своему общественному интересу событія и впечатлѣнія. Онъ предполагалъ такимъ образомъ обработать и весь свой „Дневникъ“. Но это удалось ему только въ предѣлахъ весьма небольшой части своихъ воспоминаній. Масса разнородныхъ дѣлъ оставляла ему слишкомъ мало досуга для спокойнаго кабинетнаго труда, не входившаго въ кругъ ежедневныхъ обязательныхъ занятій, и „Повѣсти о самомъ себѣ“ суждено было оборваться на вступленіи автора въ новую жизнь, у порога университета—конечной цѣли всѣхъ его юношескихъ стремленій. Большая и, можетъ быть, интереснѣйшая часть воспоминаній Александра Васильевича осталась послѣ него въ сыромъ видѣ, на страницахъ „Дневника“. А „Дневникъ“ онъ велъ съ четырнадцатилѣтняго возраста по самый день кончины, въ іюлѣ 1877 г. Такимъ образомъ накопилась масса тетрадей, а въ нихъ множество фактовъ самаго разнообразнаго содержанія. Приведенные въ порядокъ рукой самого автора, они, конечно, выиграли бы въ изложеніи и въ освѣщеніи, которое сообщило бы имъ его опытное перо. Но мы полагаемъ, что и въ настоящемъ отрывочномъ видѣ они представляютъ много интереснаго и поучительнаго. Записанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ факты, безъ искусственной группировки и субъективныхъ выводовъ, часто говорятъ здѣсь убѣдительнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ комментаріевъ и въ своей неприкрашенной правдивости представляютъ драгоценный матеріалъ для будущаго историка данной эпохи.

„Повѣсти о самомъ себѣ“ предшествуетъ интимное посвященіе, въ которомъ авторъ предоставляетъ своимъ теперешнимъ издательницамъ право, или, вѣрнѣе, завѣщаетъ имъ распорядиться оставшимися послѣ него рукописями „по внушенію ихъ совѣсти, любви къ нему и чувства долга передъ обществомъ“. Въ виду важности возложенной на нихъ нравственной обязанности и, считая себя только хранительницами этого, болѣе общественнаго, чѣмъ семейнаго наслѣдства, онѣ еще въ августѣ 1888 года приступили къ печатанію въ „Русской Старинѣ“ сначала „Записокъ“, а затѣмъ и „Дневника“. Съ тѣхъ поръ, пѣтъ мѣсяца въ мѣсяць, въ теченіе трехъ лѣтъ—съ февраля 1889 и по апрѣль 1892 г. „Дневникъ“ не переставалъ появляться на страницахъ этого повременнаго изданія и прекратился лишь со смертію его уважаемаго редактора М. И. Семевского. Но этимъ еще не исчерпывался запасъ ежедневныхъ замѣтокъ Александра Васильевича. Оборванный при первомъ своемъ появленіи на 1872 году, „Дневникъ“ заключаетъ въ себѣ хронику еще пяти послѣднихъ лѣтъ жизни автора, а именно 1873—1877 годовъ. Интересъ, возбужденный въ публикѣ „Записками“ и „Дневникомъ“ на страницахъ „Русской Старинѣ“, сожалѣнія, которыя не разъ выражались по поводу внезапнаго прекращенія послѣдняго, ободряютъ теперь хранительницъ рукописей Александра Васильевича предпринять отдѣльное изданіе ихъ, съ прибавкою вышеупомянутыхъ пяти послѣднихъ лѣтъ. Этимъ онѣ надѣются исполнить свой долгъ и въ отношеніи къ обществу и въ отношеніи человека, уму и сердцу котораго были такъ дороги судьбы русской умственной и общественной жизни.

Ред.

МОЯ ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ

I.

Гдѣ и отъ кого произошелъ я на свѣтъ.

Въ Воронежской губерніи, что прежде была Слободско-Украинская, у рѣки Тихой Сосны, между небольшими уѣздными городами, Острогожскомъ и Бирючемъ, есть большое село, или слобода, Алексѣевка, населенная малороссіянами, которыхъ русская политика сдѣлала крѣпостными. Они вовсе не ожидали этого, когда тысячами шли, по вызову правительства, изъ Украйны и селились за Дономъ, по рѣкамъ Соснѣ, Калитвѣ и другимъ, для охраненія границъ отъ вторженія крымскихъ татаръ.

Алексѣевская слобода сперва была отдана, кажется, во владѣніе князей Черкасскихъ, а отъ нихъ, по брачной сдѣлкѣ, перешла въ родъ графовъ Шереметевыхъ, владѣвшихъ огромнымъ количествомъ людей, чуть не во всѣхъ губерніяхъ Россіи. У нихъ въ послѣднее время, говорятъ, считалось до ста пятидесяти тысячъ душъ.

Въ слободѣ Алексѣевѣ жилъ сапожникъ Михайло Даниловичъ, съ тремя прозваніями: Никитенко, Черевика и Медяника. То былъ мой дѣдъ по отцу. Я помню добродушное лицо этого старика, окаймленное окладистой, съ просѣдью, бородою, съ большому носомъ, обремененнымъ неуклюжими очками, съ выраженіемъ доброты и задумчивости въ старыхъ глазахъ. Руки его были исчерчены яркими полосами отъ дратвъ. Онъ некрасиво, но добросовѣстно точалъ крестьянскіе чоботы и черевики, былъ чрезвычайно нѣженъ ко мнѣ, ласковъ и добръ ко всѣмъ, но любилъ заглядывать въ кабакъ, гдѣ нерѣдко оставлялъ не только большую часть того, что зарабатывалъ днями тяжелыхъ

трудоѣ, но и кушаѣ свой, шанку и даже кожухъ. Молчаливый кроткій, благоразумный въ трезвомъ видѣ, напившись, онъ имѣлъ обыкновеніе пускаться въ толки объ общественныхъ дѣлахъ вспоминать о казачинѣ и гетманщинѣ, судилъ строго о безпорядкахъ сельскаго управленія и наводилъ страхъ на домашнихъ осыпая ихъ укорами и увѣщаніями, которые нерѣдко подкрѣплялъ орудіями своего ремесла, клесичкою (палка для выглаживанія кожи) и потягомъ (ремень для стягиванія ея). Сильно не долюбливалъ онъ, чтобъ его отвлекали отъ чарки призывомъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, домой, къ чему нерѣдко должны были прибѣгать, когда онъ показывалъ явное расположеніе слишкомъ загулять. Онъ не смѣлъ ослушаться и возвращался, но не безъ протеста.—„Вотъ какая ты дурная, не чувствительная, выговаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ моей бабушкѣ,—только что началъ я разсуждать о важномъ дѣлѣ съ сямбромъ (сосѣдомъ), какъ вдругъ: по ди домой! Теперь, чертъ знаетъ, когда соберешься съ мыслями!“

Бабушка была замѣчательная женщина. Дочь священника она считала себя принадлежащею къ сельской аристократіи и чувствовала свое достоинство. Связи ея и знакомства ограничивались кругомъ избранныхъ лицъ, такъ называемыхъ мѣщанъ составлявшихъ касту высшаго сословія въ слободѣ. Никогда не видѣли, чтобы она угощалась серебряною чаркою съ кѣмъ либо кромѣ дамъ, носившихъ, по праздникамъ, кораблики, вмѣстѣ серпанковъ, на головѣ, кунтуши тонкаго сукна, съ позументомъ на таліи, и черевички на коткахъ, или высокихъ каблуккахъ. При всей бѣдности, она свято держалась обычая малороссійскаго гостепріимства и отличалась рѣдкою добротою, дѣлясь послѣдними крохами съ немущимъ. Въ ней было врожденное благородство, которое замѣняло ей образованіе и сообщало поступкамъ и обращенію ея особенный тонъ приличія. Я помню, какъ ловко умѣла она вести и поддерживать разговоръ съ горожанами, помѣщиками и письменными, какими умными и тонкими замѣчаніями приправляла свои и чужіе разсказы, какъ живо и складно излагала народныя повѣрья и преданія временъ Екатерины II, которую всегда съ благоговѣніемъ называла матушкой-царицей, какъ бойко умѣла спорить и оспаривать, всегда стараясь поставить на своемъ. Она пользовалась отлич-